

891.71-93

3-433

М. ЗВЕРЕВ



СПАСЁННЫЕ
КЕКЛИКИ



Республиканской библиотеке имени А. С. Пушкина

Том 77 А. Зверев

V

М. ЗВЕРЕВ

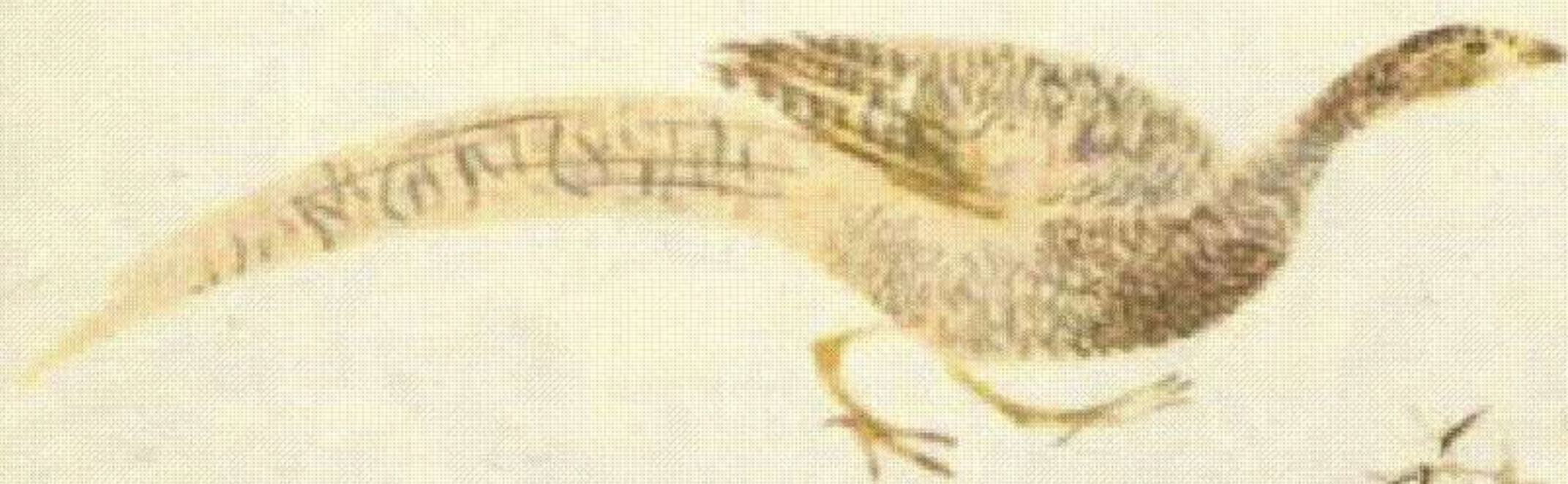
СПАСЁННЫЕ КЕКАЛКИ

✓

891.71-93

3-433

РК



Рисунки
Н. Чарушина

РК
14210

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“ МОСКВА — 1976



Т. С. БИЗУКОВА
Кол. 100 экз.
Инв. № 550918

813922



СОЛОВЬИНЫЕ ОСТРОВА

Река Или, поколесив по соседней стране, снова возвращается к нам и быстро мчится навстречу Балхашу. Река словно торопится наверстать упущенное время, пока была в гостях у соседей. Буксирные катера, борясь со встречным течением, тащатся всего по пять километров в час.

Песчаные барханы и пустыня, покрытые щебнем и полынькой, местами сжимают реку, и тогда она в бешенстве несется в узкой «трубе», с грохотом обрушивая берега и образуя воронки. С усилием вырвавшись на простор, река уже спокойно бежит между островами.

После барханов и пустыни острова поражают своей природой. Настоящие непролазные зеленые дебри! Тальники, ветлы и тополя цепко перевиты темно-зелеными лианами, хмелем и вьюнком, кусты шиповника и барбариса образуют непроходимые колючие стены. И среди пряно пахнущей зелени островов корявые, словно покрытые пылью, деревья джиды кажутся досадными осенними пятнами. Сизовато-серые, они хороши на берегах, когда река протекает в пустыне, но не здесь. Однако что поделаешь? Деревья джиды пробрались на острова, выделяются унылым пустынным цветом листвы среди веселой свежей зелени.

Острова на Или — это настоящее царство соловьев. Кажется, что они слетелись сюда со всего света.

Как хороши здесь утренние и вечерние зори! В эти часы острова словно соревнуются друг с другом по силе и красоте соловьиного пения. Оно далеко слышно окрест. Когда проплываешь между островами, весь воздух наполнен музыкой.

Соловьев считают певцами весны. Но в пустыне весна вместе с цветами кончается в апреле. Соловьи же прилетают на острова в мае, и только колючая джида побалуует заморских гостей сильным запахом своих скромных цветов.

На островах живут не только соловьи. Днем нежное воркованье маленьких южных горлиц перемешивается с бойким щебетом славок и цоканьем фазанов. Ужи и змеи порой струятся по траве. Горе пуховым птенцам соловьев, если змея подберется к их гнезду на земле...

Особенно громко поют соловьи по вечерам. Но в сумерках на одном из островов наступила тишина. Что случилось? Ведь на соседних островах всюду заливаются соловьи. А, понятно! Это мелькнула в бесшумном полете сова. Она прилетела на остров, и соловьи замолчали, притаившись. Сова покружится немного и полетит к соседнему острову, где особенно мощно гремит соловьиный хор.

Пройдет минута-другая, и там тоже воцарится тишина. Сова долетит до острова, но и там ей не удастся никого застать врасплох. Удел совы — мыши. Ими она и займется на всю ночь. По Сеньке и шапка — где уж ей ловить черноглазых певцов!

Время изменило быт на реке Или. Здесь уже не встретишь деревянных лодок со стонущим скрипом в уключинах. Не стало запахов смолы, дегтя от залитых щелей в лодках. Исчезли с реки неторопливые колесные трудяги-пароходы, громко шлепающие плицами. Теперь у бакенщиков металлические лодки с подвесными моторами. Над домиками на берегах высятся антенны. Мощные буксирные катера быстро толкают перед собой тяжелогруженные баржи. Даже на бакенах и перевальных сигнальных столбах не керосиновые, а электрические фонари. Исчезло с реки многое, знакомое с детства...

Но соловьиные острова на реке Или все те же, что и раньше. И соловьи, хозяева островов, по зорям полновластно перекрывают все звуки вокруг. И хочется, чтобы соловьиные песни на соловьиных островах не смолкали вечно.

БЕЛЫЙ СИГНАЛ

Наша машина неслась степью по гладкой, укатанной дороге. Но вот путь нам пересек болотистый ручеек из небольшого родника. Завизжали тормоза, машина остановилась, хлопнула дверца, и водитель долго ходил, выбирая место для переезда. Но колеса забуксовали. Обычная небольшая задержка. Несколько лопат сухой земли под колеса — и «газик» помчится дальше.

Я и не вспомнил бы об этой десятиминутной остановке, если бы не куличок. Его четыре яичка лежали где-то в ямке на берегу ручья. Но видеть их никто не должен — куличок крепко зарубил это на своем носу с того момента, как в ямке-гнезде появилось первое яичко. «Ответственность» за него унаследована от предков. Мало кто знает, с какими муками куличок сносит каждое свое яйцо чуть ли не в одну треть самого себя. С полчаса после этого птичка лежит в полном изнеможении.

Но как же может защитить крошечный куличок свои драгоценные яички от великанов?

Да, собственно, никак!

Единственно, что он может сделать, — это отвлечь врага на самого себя.

И куличок стал изображать перед нами инвалида — подхрамывал то одной лапой, то другой, волочил крылья... Но нам было не до него. И что же тогда куличок? Раз его не замечают, то вот вам, смотрите — на берегу ручейка ярко забелел далеко заметный сигнал. Наклонив головку, вытянув шейку над землей и высоко подняв хвост, куличок обратился в «зенитное орудие». Ярко-белые перышки под хвостом замелькали над темной грязью и были в самом деле хорошо заметны издали. Мелко семеня тонкими ножками, куличок с высоко поднятым хвостом и в очень неудобной позе побежал вверх по ручейку. Но зато теперь его могли не заметить только слепые!

Мы засыпали сухой землей колесо и тронулись дальше. Я выглянул из машины и увидел, как куличок медленно «опадал» из своей вертикальной позы. Белый сигнал над грязью погас. Куличок стоял на комочке земли, кивал головкой и по-



махивал хвостиком вверх и вниз, словно прощался и благодарил нас за великодушие.

Пыль за машиной скрыла переезд через ручей. И хотя ничего больше не было видно, но так и представлялось, как куличок спокойно, похозяйски усаживается сейчас на свои огромные четыре яйца. Его темная спинка теперь сольется с грязью на берегу. Ни одного белого перышка больше не увидишь. Птичку скрыла сказочная шапка-невидимка.

ЛЕБЕДИНЫЕ ОЗЕРА

Бескрайние просторы Западного Казахстана медленно плывут далеко внизу под крылом самолета. Однообразна растительность сероватых и желтоватых тонов. Пора весенней зелени уже проходит, и горячее солнце лета скоро сделает свое дело — от его обжигающего дыхания окончательно выцветет пустыня.

Но вот на горизонте показались ярко-зеленые полосы. Чем ближе, тем они шире. Это тростники по реке Тургай и на бесчисленных озерах. Когда-то два мощных ледника с Урала и Таймыра встретились здесь и пропахали далеко к югу Тургайскую впадину. Давно изменился климат, растаяли льды, и только озера остались в этих местах на память о суровых тысячелетиях.

Самолет снижается. Одно за другим проносятся внизу синие озера. Вот огромное озеро Кельтколь. Спокойная гладь его пестрит от множества белых точек. Кто это? Чайки? Но даже с высоты самолета видно, что для чаек они слишком крупны.

Самолет совсем низко летит над гладью Кельтколя. Птицы покачиваются на волнах, как льдинки на весеннем разливе. Это дикие лебеди. Появление самолета не особенно обеспокоило их. Чего бояться этим гордым красавцам у себя дома? Они словно бы знают, что охота на них запрещена. Да и безлюдье кругом, как в северной тундре.

Под крылом самолета проплывает одно озеро за другим, и всюду лебеди, лебеди, лебеди! А ведь в поле зрения одни лишь самцы. Лебедки сидят сейчас на яйцах в густых зарослях.

На озерах Тургая гнездится не менее трех тысяч диких лебедей. На юге это единственное место их массового гнездования. Белоснежные



стаи птиц проносятся весной над нашей Родиной далеко к северу — до самого Ледовитого океана. В тундре и на глухих таежных озерах затихает перезвон их крыльев — там они спокойно выводят птенцов. Но ледники седой древности оставили на юге озера, и они, эти южные озера, стали еще одной родиной осторожных гордых птиц.

НА РАЗЛИВЕ

Еще с вечера вода в реке Или прибыла и кое-где стала затоплять прибрежные низинки. Ночью река хлынула через края берегов и к утру залила тугай. На низких покосных местах она ушла на несколько километров.

Домик бакенщика стоял на высоком месте и был недосягаем для весенних разливов. Мимо него неслась мутная река, необычайно широкая и необузданная в своем весеннем величии. Она несла сор, ветки и целые деревья, смытые с берегов. На залитых лугах чернело несколько полосок земли, не покрытых водой. На них собрались перепела со всего луга, и странно было слушать, как они кричали все враз — хором.

Яркое солнце поднялось из-за гор, и алые лучи заиграли на водном просторе. Оно осветило картину бедствия птиц и зверьков в затопленных тугаях. Всюду были слышны тревожные голоса мелких птиц и цоканье фазанов.

Натуралисту в такое время можно повидать много интересного. И вот я уже бреду по тугаям с биноклем и фотоаппаратом, в высоких резиновых сапогах, привязанных к поясу. Палкой проверяю путь — возможны ямы, в которых теперь и дна не достанешь.

Всюду всплыл неподвижный древесный сор, палки и даже целые деревья. Влажный воздух насыщен запахом мокрой древесины. Разлив прекратился. Вода больше не прибывала. Река вылила свои излишки за берега и успокоилась.

Первым, кого я встретил, был заяц. Совершенно сухой, он сидел на поваленном дереве, которое возвышалось над водой. При виде меня зверек сжался в комочек, замер. Только биение сердца маленькими толчками колыхало его шкурку на боку. По зайцу полз большой жук-навозник, но заяц терпел, боясь пошевелиться.

Я стоял в нескольких шагах и фотографировал зайца. Из этих снимков у меня потом получились прекрасные цветные фотографии зайца, с черным блестящим жуком на спине.

Недалеко из воды поднимался длинный сухой бугор, покрытый кустами и деревьями. Но почему же заяц сидел на дереве, а не спасался от наводнения на этом бугре? Очевидно, бугор заняла лиса или дикий кот. Надо проверить эту догадку. Я шагнул в сторону бугра, но в этот момент нервы зайца не выдержали — он взлетел в воздух гигантским прыжком и неумело шлепнулся в воду, окунувшись в нее с головой.

Затем удивительно быстро и легко поплыл к берегу, вскочил на бугор и притаился под первым же кустом. Было видно в бинокль, как он дрожал — весь мокрый и необычайно тонкий.

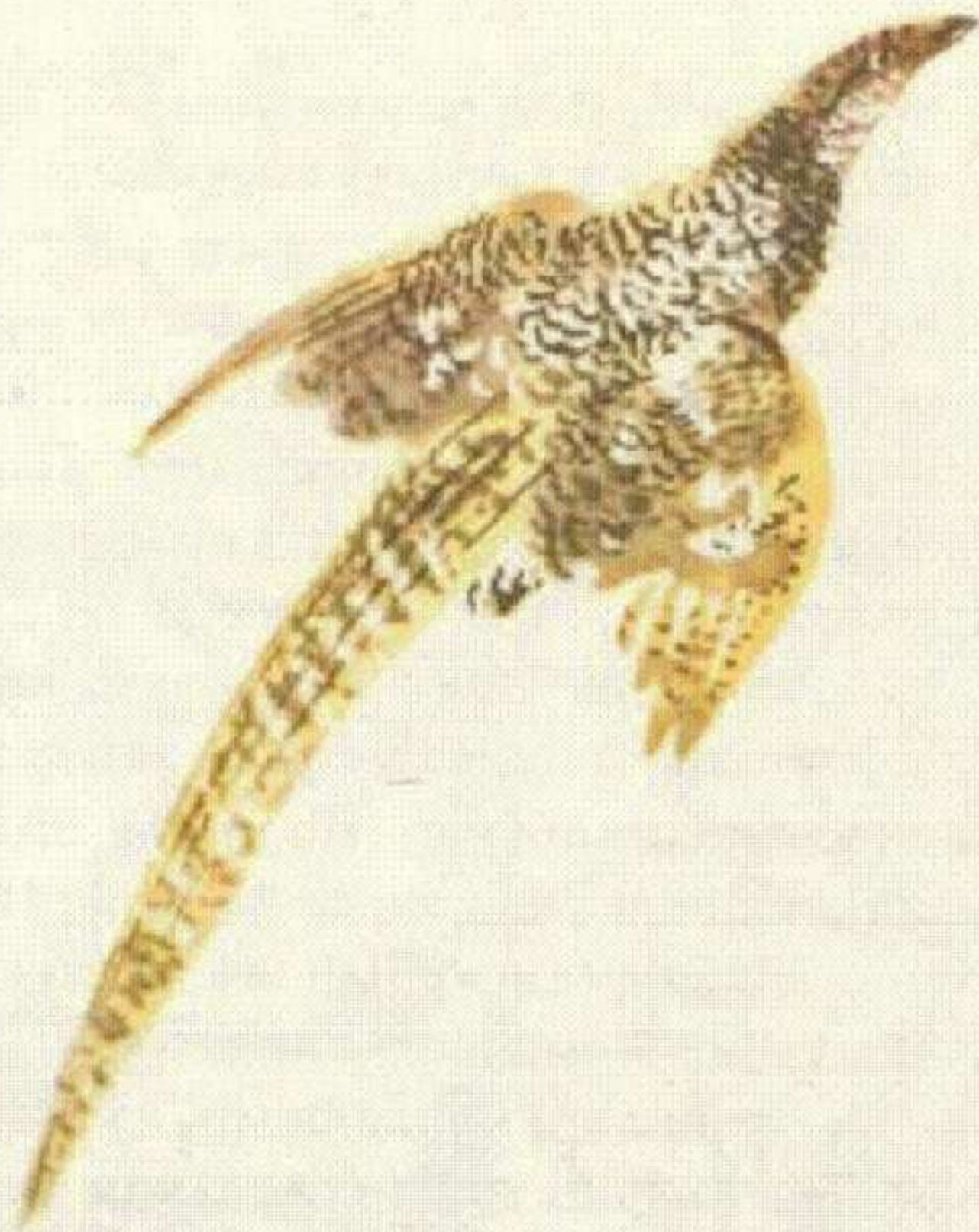
Конечно, где-то поблизости был хищник, иначе заяц не остался бы около самой воды. Обойдя стороной, чтобы не беспокоить зайца, я поднялся на бугор. Это был небольшой, удлинённый островок среди затопленного тугая. В самом конце его заметалась в разные стороны лисица. Вероятно, где-то поблизости затопило ее нору с лисятами. Не допустив меня на «выстрел» фотоаппарата, лисица бросилась в воду и быстро уплыла, скрывшись за деревьями.

Я побрел дальше по затопленному тугаю.

Над самой головой с джиды с шумом слетела фазанка и совсем недалеко уселась на другое дерево с криком и хлопаньем крыльев. Я двинулся к ней с фотоаппаратом наготове, прячась за деревьями. Но фазанка опять перелетела немного дальше.

«Отводит от птенцов», — догадался я, вернулся обратно и стал внимательно осматриваться. Но всюду была вода и ни одного клочка земли, где могли бы скрываться фазанята.

И вдруг я заметил их. Под деревом, с которого слетела фазанка, возвышался из воды небольшой пенек. Он был покрыт пуховой шапочкой из крошечных фазанят. Они вывелись не более как три-четыре дня



тому назад. Вся «жилплощадь» пенька была так плотно занята ими, что невозможно было сосчитать, сколько их там сидит.

Пока я фотографировал фазанят, их испуг прошел. То один из них, то другой стали вытягивать шейки и что-то склевывать с пенька. Тогда я заметил, что вверх по пеньку непрерывно поднимаются муравьи, которыми фазанята и питались. Под пеньком, вероятно, был затоплен муравейник, и его обитатели спасались от воды тоже на пеньке под корой.

Фазанка с шумом уселась на соседнее дерево, тревожно цыкнула и улетела. Фазанята сразу замерли, обратившись опять в неподвижную пуховую шапочку. Ни одна головка больше не двигалась, хотя муравьи ползали даже по фазанятам.

Я задумался. Что же делать с птенцами? Они погибнут на этом пеньке.

Пришлось переложить пуховые теплые шарики в шапку. Их было шесть. Больше на пеньке места не было. Слабых, очевидно, унесло водой. Недалеко за лесом вдоль берега тянулся песчаный бугор, заросший кустами. Я выпустил там трех фазанят. Они бойко побежали по песку, словно плюшевые, на тоненьких ножках. За ними потянулись крошечные полукрестики следов. Вот один юркнул в сторону и затаился в траве. Двое еще бегут. Вскоре свернул в траву второй. А третий фазаненок, самый сильный, убежал дальше всех, но и он тоже скрылся в траве.

Ну, теперь все в порядке. Если мать найдет фазанят, они будут жить. Трех я оставил в шапке и бережно понес к бакенщику. Вчера я видел, что у него курица вывела цыплят.

Сидорыч сидел на завалинке и курил. Седой, в сером ватнике и серых валенках, он был словно весь покрыт инеем. Несмотря на свои семьдесят лет, он считался одним из лучших бакенщиков.

— Зачем принес фазанят? — спросил сурово Сидорыч, и его брови нахмурились. — Иди отнеси их обратно.

— Да вот, дедушка, затопило их в тугаях, я и принес, под вашу курицу выпустим, пускай растут, а трех я на бугор...

— Тебе говорю, иди сейчас же выпусти! — прервал меня еще более сердито Сидорыч. — Неужели не знаешь, что фазанята не будут жить с курицей? Даже если она их высидит, все равно разбегутся. Иди скорее, отнеси их обратно.

Сидорыч встал и ушел в избушку, не сказав мне больше ни слова. Обескураженный такой встречей, я побрел обратно с шапкой в руках.



В ней тихо попискивали три беспомощные сиротки. Теперь я и сам припомнил, что фазанят очень трудно выращивать: где-то давно я читал об этом.

Крики фазанов в тугаях давно смолкли. Все они устроились на небольших островках.

Вот и песчаный бугор. Четкий, крупный след фазанки поверх моих следов. Значит, она прилетела сюда вслед за мной. Следы шли по песку вдоль берега через большие интервалы — значит, фазанка быстро бежала. Но вот она перешла на шаг, и в этом месте из травы на песок выбежали крошечные полукрестики ее цыпленка. Фазанка пошла дальше, а поверх ее следов были следы фазаненка — он бежал за матерью. Вот еще такие же полукрестики выбежали из травы на песок, и теперь три птицы двигаются дальше. Наконец по следам видно, как навстречу прибежал третий птенец, очевидно услышав зовущий голос матери. Фазанка все бежит вперед и вперед: птенцов слишком мало, где-то должны быть еще... Но трое из них у меня в шапке, а остальных унесла вода.

Наконец, следы всего семейства исчезли в траве. Мне долго пришлось бродить по кустам в поисках выводка. Но вот из-под самых ног ракетой взвилась фазанка. С нее уже в воздухе упал пуховый птенец в траву. Вероятно, она грела фазанят под собой и так неожиданно взлетела, что один из них не успел выбраться из перьев и был поднят на воздух. На этом месте я высыпал фазанят из шапки в прошлогоднюю траву и бросился обратно в кусты.

Всюду в воздухе звенели песни жаворонков, как бесконечное, звонкое журчанье невидимых ручейков.

РЕДЧАЙШИЕ КАДРЫ

На железнодорожной станции Манты-Чу нас ждал «газик» Главного управления заповедников республики. Прямо из вагона мы пересели в машину, уложили нашу фотоаппаратуру и выехали в степь. Цель поездки была ясна — нужно было срочно сфотографировать архара в естественной обстановке для павильона Казахстана на ВДНХ. Хотя сделать это было почти невозможно, все же мы решили попробовать.

Солнце только что выглянуло из-за горизонта красным шаром в морозной дымке. На него можно было смотреть, и машина помчалась на встречу с солнцем. На наше счастье, недавно выпал снег и покрыл землю ровным тонким слоем. Редкая здесь «снежная книга» распахнула перед нами свои белоснежные страницы. Хорошо накатанную дорогу то и дело пересекали следы лисиц. Но когда показались свежие, волчьи, — большого труда стоило удержаться и не свернуть по ним. При виде следов зверя появляется смутное желание отыскать его.



После полудня показались увалы. Они постепенно перешли в невысокие горы, больше похожие на холмы.

Ночевали мы у чабана. А потом два коротких зимних дня колесили по горам, если холмы эти заслуживают такого названия. Каждый день видели издалека архаров и множество их следов. Но сфотографировать осторожных животных нечего было и думать.

Мои охотничьи похождения с ружьем были всегда длинной цепью сплошных неудач и разочарований. Пока то же самое происходило и с фотоохотой.

Ночевать мы опять заехали к нашему знакомому. Чабан выслушал рассказы о неудачах, сочувственно почмокал губами и сказал:

— Ой-бой! Только бензин извели зря. А ты его в сене покарауль! — И хозяин рассказал, что в соседних ущельях есть стога, и по утрам архары приходят и едят сено. Чабан согласился проводить нас.

Поздний зимний рассвет застал нас в ущелье у двух стогов сена. Около высокого стога снег был истоптан следами архаров.

— За тем отдыхай! — показал на маленький стожок чабан. Машина ушла. Я уютно устроился на сене за маленьким стожком, проделал отверстие для трубы фоторужья и стал ждать удачи. Шансы на нее были — свежие следы архаров говорили сами за себя.

На безоблачное небо выплыло из-за холмов солнце, сразу стерев краски зари. Яркий зимний день рассветал с каждой минутой. Вездесущие воробьи зачирикали на сене. А подо мной зашуршали мыши и запищали, видимо поссорились. Из ущелья потянул ветерок как раз кстати, унося мой запах от стога со следами архаров.





Так прошло больше часа. Меня пригрело солнце, и захотелось спать. «Опять день пропадет напрасно, — думал я, борясь со сном. — И зачем я согласился на эту поездку?» Хруст сена прервал мои мрачные мысли. Я выглянул в свою амбразуру и замер от неожиданности. На вершине соседнего стога стоял архар с огромными рогами, как сказочное наваждение. Внизу три самки спокойно ели сено. Волнуясь, я прицелился своим фоторужьем. До живописной группы архаров было так близко, что они едва уместились в кадре. Спасательный ветерок подхватил и унес щелчок затвора. Архары ничего не заподозрили. Чтобы унять биение сердца и успокоиться, я отвернулся, проверил по экспонометру выдержку и снова, замирая от счастья, посмотрел в амбразуру. Архар все так же гордо стоял на фоне голубого неба. Он не ел, а только сторожил подруг. Архар был великолепен в своем зимнем светлом одеянии с длинными волосами по низу шеи. Он ни разу не взглянул в мою сторону, а все время смотрел вниз по ущелью, только оттуда ожидая опасность.

А я снимал его, самок, всех вместе, пока не кончилась пленка. Потом я просто лежал и любовался дикими животными, такими недосягаемыми до этого утра.

Прошло больше часа. Одна за другой отошли от стога самки и начали подниматься в гору, хватая на ходу снег. Архар изящным прыжком слетел со стога и пошел за ними. Этот «рыцарь» так и не прикоснулся к сену на своем сторожевом посту.

НАПРАСНАЯ ТРЕВОГА

Ровная степь, сизоватая от полыни, на горизонте незаметно переходила в сизовато-серое небо. Машина легко неслась по укатанной дороге, оставляя за собой облака пыли.

Пара журавлей испуганно зашагала в сторону, вытянув шеи. Нам показалось странным, что птицы все время идут рядом, ни на шаг не обгоняя друг друга, будто привязанные за крылья.

Мы остановили машину. Тогда стало видно, как два пуховых журавленка семенили ножками, все время оставаясь между родителями.

Наш энергичный Саша выскочил из машины с фотоаппаратом в руках и побежал к журавлям.

Птицы остановились, негромко вскрикнули и вдруг бросились в разные стороны, изображая раненых, — они волочили по траве то одно крыло, то другое, хромали, падали и опять вскакивали. Каждому должно быть понятно, что это совершенно больные птицы и поймать их ничего не стоит!

Но Саша не имел злых намерений — ему только хотелось непременно сфотографировать журавлят. Однако найти их он никак не мог. Мы подошли на помощь и втроем долго, осторожно ходили кругом, боясь наступить на птенца. Наконец, Саша заметил одного пуховичка. Птенец лежал, распластавшись в мелкой травке и засунув головку в густую полынку. Цвет журавленка был удивительно похож на все, что его окружало. Вскоре нашли и второго.

Взрослые журавли перестали кривляться и стояли недалеко от нас. Они вытянули шеи и тревожно смотрели, как мы передавали журавлят из рук в руки, фотографировали их и потом отпускали.

Мы сели в машину и поехали дальше. Но оба журавля сразу же нагнали нас и с криками стали носиться вокруг «газика». Они потеряли всякую осторожность и буквально не давали ехать. Казалось, журавли решили, что если птенцы побывали в руках человека, то, конечно, он увозит их с собой!

Пришлось остановиться, чтобы не сбить кого-нибудь из журавлей. Мы вылезли из машины. Птицы сразу отлетели в сторону. Машины не боялись, но человек в степи — это совсем другое дело. Однако у нас в руках птенцов не было. Журавли круто развернулись и полетели обратно, набирая высоту. Вдруг они, как подстреленные, не сели, а почти упали на землю там, где мы выпустили журавлят. В бинокль было видно, как журавли зашагали опять рядом в сторону от дороги, а между ними замелькали в траве две головки журавлят.



ГРОЗА ВОРОН

Первыми провожают низкое вечернее солнце вороны. Они летят с окраин Алма-Аты в горные ельники. Но часть их остается ночевать на деревьях городских бульваров. С вечера вороны долго не могут успокоиться, каркают и шумят до полуночи.

В горных ельниках над Алма-Атой зимуют филины. Ночью один из них услышал соблазнительный вороний галдеж. Пернатый хищник прилетел и навел порядок среди ворон на одном из бульваров. За ночь он так наелся вороньего мяса, что под утро не захотелось грести крыльями на высоту почти двух километров в горные ельники. Утро застало его на суку около ствола высоченного тополя на главной улице города.

Ночь вся была в распоряжении филина, и он мог снимать с деревьев бульвара любую ворону по выбору. Но показалось солнцу, и вороны сразу заметили ночного палача.

Что тут началось!

Вороны устроили шумную карусель по веткам вокруг филина и громко возмущались его присутствием. С гор прилетели сороки и включились в дружное посрамление ненавистного тирана. Они стрекотали до иступления и совершенно изнемогали от нервного напряжения. Вскоре некоторые из них охрипли, могли только шипеть и совершенно необычно для них взвизгивать!

Филин сидел неподвижно, как каменное изваяние. Только когда кто-нибудь из ворон или сорок вертелся совсем близко, он щелкал клювом, как кастаньетами, и поворачивал ушастую голову с огромными глазами, полными гнева и презрения.

Накричавшись вдоволь, вороны рассаживались на соседних деревьях, распушив перья и сделавшись похожими на шары с двумя ручками — клювом и хвостом. Но прилетели новые, и все началось сначала!

Филин невозмутимо переносил оскорбительные для него выкрики ворон и сорок.

Вечером, едва солнце коснулось гор, ни одной вороны больше не оказалось около филина. А он взгромоздился на самую вершину тополя и с нетерпением ждал сумерек. Вероятно, его месть воронам за дневной концерт была бы ужасной на ночных бульварах. Но филин за одну ночь отучил ворон лениться улетать ночевать в горные ельники — вечером на бульварах города была тишина!



Однако утром опять отчаянные крики ворон и сорок раздавались на том же тополе, хотя филин ночью улетел и на суку никого не было. Но место, где вчера он сидел, вороны считали оскверненным и еще не меньше часа проклинали пустой сук возмущенными головами.

ПЕШАЯ ПТИЧКА

Хорошо провести за городом морозный зимний день. Лицо покраснеет, горит, рукавицы давно в карманах, воротник расстегнут.

Так легко идти домой без лыж по накатанной санной дороге. Ноги так сами собой и переступают. Но скоро лыжи делаются все тяжелее и тяжелее. Их то и дело перемещаешь с одного плеча на другое.

Из леса дорога вышла к железнодорожному полотну и потянулась вдоль него. Совсем недалеко дымит город, скрытый в черном угольном облаке.

Так я шел вдоль железной дороги, думая о разном, и вдруг остановился: от полотна дороги протянулась по снегу тропинка, протоптанная крошечными птичьими лапками. Это было настолько удивительно, что я сейчас же свернул по тропе, чтобы узнать, какая это пешая птичка наследила здесь.

Вправо, около полотна железной дороги, тропинка рассыпалась веером мелких следов. Они исчезли на свободном от снега полотне дороги. Значит, пешая птичка прибегает сюда кормиться, а сама ночует в другом конце. Скорей туда!

Тропа приводит к сугробу и ныряет под снежный надув, исчезая в темной пещерке.

Опустившись на колени, я засовываю туда руку и невольно отдергиваю — кто-то слегка уцепился за палец!

Снова засовываю — и в моих руках серебристо-розовый длиннохвостый снегирь! Его карие глазки испуганно моргают, слышно, как колотится крошечное сердечко в теплой ладони. Но птичка не делает ни малейших попыток вырваться. Снегирь так худ, что кажется невесомым. Я осторожно посадил птичку на ее тропу. Снегирь бойко запры-

гал по ней в сторону железнодорожного полотна. Но лететь он почему-то не мог, хотя никаких повреждений у него не было заметно. Я без труда поймал пешую птичку.

В вязаной мягкой рукавице я принес снегиря домой. Не оставлять же его на верную гибель.

У себя в комнате я выпустил снегиря на пол. Электрический свет для него, вероятно, показался ярким солнечным днем. Птичка запрыгала по полу, вороша толстым клювиком все, что ей попадалось. Снегирию хотелось есть. Я принес

горсть конопли. Надо было видеть, как набросился на корм снегирь, — он даже полузакрыв глаза от наслаждения!

На первый раз я дал ему конопли с четверть чайной ложечки, чтобы он не объелся после долгого голодания. Снегирь склевал все, напился из блюдечка воды и запрыгал в угол. Там он долго прихорашивался, а потом заснул, обратившись в пушистый шарик.

Так и жили мы с ним вдвоем в комнате. Нелетающая птичка казалась милым зверьком и забавно гонялась за мной по полу, прося есть, и едва слышно постукивая коготками. Снегирь съедал за день так много, что первое время это удивляло меня.

Однажды, ложась спать, я случайно взглянул в угол комнаты, и рука, поднятая к выключателю, замерла — пушистого шарика не было в обычном месте на полу! Оказалось, он спал на спинке стула, а через несколько дней снегирь стал перепархивать по всей комнате. Пешая птичка вернулась в свою воздушную стихию.

Весной я выпустил снегиря там, где поймал его зимой, возле снежной норки. Он легко полетел и исчез в зеленой дымке березового леса.



СПАСЕННЫЕ КЕКЛИКИ

Рано утром в конце лета в горах Джунгарского Алатау всегда свежо. Разогретые за день скалы за ночь остывают. А ветер всю ночь дует вниз с горных вершин. Но едва раннее утреннее солнце немного согреет горы, как ветерок начинает дуть в обратную сторону — снизу вверх. И так каждый день.

Ранним утром я сидел на крыльце кордона вместе с егерем. Он курил и рассказывал мне подробности о задержании трех браконьеров в горах. Вдруг егерь замолчал: звук далекого выстрела раздался в горах. Егерь вскочил, поправляя кобуру с пистолетом на поясе:

— Опять кто-то стреляет, в Маралсае это. Хорошо, что ветер переменялся, а то бы не слышал.

Мы сбежали с крыльца и пошли на звук выстрела.

— А завтракать-то! — донеслось из раскрытого окна.

— Потом! — махнул рукой егерь.

К ущелью Маралсай мы подошли осторожно. Только здесь был родник и постоянно держались кеклики. Егерь быстро шел вперед по ущелью, и я едва поспевал за ним, задыхаясь на крутом подъеме с непривычки.

Ущелье делало крутой поворот. Егерь, крадучись, выглянул из-за него и сразу отскочил обратно, махнув мне рукой, — впереди, совсем близко спиной к нам сидел браконьер на камне. Со стороны родника его закрыл лист фанеры, весь увешанный разноцветными ленточками. Они пошевеливались на ветерке.

— Подождите, посмотрим, что будет, — прошептал я и схватил егеря за руку, когда он хотел выйти из-за поворота.

Ждать пришлось недолго.

На южном склоне закричал кеклик, ему ответили другие. На наших глазах к роднику стали спускаться на водопой кеклики. Их было более десятка.

Вдруг кеклики остановились, вытянули шейки и все разом закричали: они увидели фанеру с ленточками. Это было так ново и интересно для них, что водопой был тут же забыт. Кеклики, не останавливаясь, пошли прямо к листу фанеры. Все время они переговаривались, вытягивали шейки, поворачивали головки, смотрели то одним глазом, то другим и шаг за шагом приближались к фанере, как к магниту.



Черное дуло ружья высунулось в отверстие в центре фанеры. Браконьер прицелился, но еще не стрелял, ожидая, когда кеклики соберутся в кучу, чтобы одним выстрелом убить несколько штук.

— Ну хватит, сейчас он выстрелит! — вскочил я, и мы выбежали. При виде нас кеклики дружно взлетели, а браконьер испуганно оглянулся.

Ну, а дальше — унижительная для него сцена составления акта, конфискация ружья, бесполезное раскаяние, что это он в первый и последний раз.

Пока егерь составлял акт, я сфотографировал лист фанеры, увешанный разноцветными ленточками и тряпочками. Лист на шарнирах складывался вчетверо. В середине было отверстие для ружья. Я разломал на мелкие кусочки эту браконьерскую выдумку, рассчитанную на любопытство кекликов.

ШАГАЮЩАЯ МЫШЬ

Зимой в открытой степи, среди одиноко торчащих подынок, встретились мне крошечные следы какой-то мышки. Они невольно заставили пойти по ним: зверек шел по снегу, а не бежал и не прыгал. Мышь, идущая шагом, — это должно выглядеть занятно! На плотном снегу четыре лапки отпечатались совершенно отчетливо. Куда же могла брести эта шагающая мышь морозной ночью, при ветре?

И сразу же первое открытие: едва внимательно присмотришься к следам, как видишь, что они сделаны не ночью, а совсем недавно, только что, — они еще несколько не успели затвердеть на морозе и ветру.

Скрипят палки, шуршат по снегу лыжи, и невольно бросаешься бегом догонять загадочную шагающую мышку, которая где-то совсем близко.

Крошечные следы все так же спокойно идут по степи. Кругом далеко видно, но нигде на снежной поверхности не заметно ни одной черной двигающейся точки. Вдруг следы оборвались на последнем шаге и исчезли. Нет ни норки в снегу, ни их продолжения. Все понятно. Хищная птица «слизнула» со снега крошечное создание и унесла или про-

глотила на лету. Это так досадно, что невольно ищешь доказательства в конце следа — нет ли какой бороздки на снегу от крыла, капельки крови или клочка шерстки.

Вдруг маленький снежный комочек бойко покатился вперед от конца следа, как сказочный колобок. Торопливо побежал крошечный пушистый зверек, белый как снег.

Несколько торопливых шагов — и он сидит на снегу, вереща, широко раскрыв розовый ротик и угрожающе подняв по бокам головы малюсенькие растопыренные лапки. Крошка так мила и красива, что невольно улыбаешься. Да ведь это джунгарский хомячок!

Несмотря на комически грозный вид, джунгарский хомячок безобиден. Вот он бережно взят и посажен прямо на ладонь. Внезапно поведение его резко меняется. Хомячок садится на задние лапки и начинает умываться передними. Вот он вытянул заднюю лапу, лизнул подошву и почесал ею за ухом. Хомячок получает изрядную крошку хлеба. Зверек хватает ее передними лапами, садится колышком и с жадностью ест, поглядывая своими замечательными черными глазками. Если бы все дикие животные вели себя так же!

Зверек настолько мил, что хочется вернуть его обратно «домой», а кстати, узнать, откуда он вылез на снег. В кармане он ведет себя как хозяин, громко грызя сухарь. Затем засыпает, убаюканный ходьбой.

Долго приходится идти обратным следом, но наконец у небольшого березово-осинового колка — выходное отверстие его следов из какого-то бугорка. Смахнув с него снег лыжной, я увидел, что норка джунгарского хомячка устроена в муравейнике. Копать такую норку в рыхлой постройке муравьев, конечно, легко даже маленькими, слабыми лапками. Но как хомячок умудряется жить в муравейнике весной, когда муравьи просыпаются, это до сих пор не разгадано. Джунгарских хомячков в муравейниках нередко ловили мы и среди лета.

Вынутый из кармана, хомячок



забавно зеваает на ладони, щурится, потягивается и принимается опять за умывание. Он как бы нехотя, вперевалочку, уходит в глубь муравейника досматривать сны, которые ему приснились в кармане.

Приятных сновидений, славный зверек!

ОЗЕРНЫЕ КУКУШКИ

Солнце еще не поднялось над горизонтом, но восток ярко пылал. На берегу степного озера сделалось совсем светло. Где-то далеко едва слышно закричали журавли. Посередине озера в зарослях басовито перекликались гуси. Отчаянно загалдели чайки над огромным скопищем гнезд на заломах тростника.

Знакомое с детства кукование слышалось из тростников. Как странно слышать его здесь: ведь каждый знает, что кукушка — лесная птица!

Но вот она и сама летит над вершинками тростниковых зарослей и садится на тростинку, а та не ломается, но покорно склоняется дугой под тяжестью птицы. Приподняв хвост и опустив крылья, кукушка долго кукует, покачиваясь на тростинке, совсем как в лесу на ветке. Кукушка здесь не одна. Едва солнечный шар показался над горизонтом, как в разных местах озера раздалось кукование. Кукушек здесь оказалось во много раз больше, чем в любом лесу на такой же площади.

Эти кукушки внешне ничем не отличаются от живущих в лесах. Но их предки приспособились из года в год подкладывать свои яйца в гнезда только птичкам-камышовкам. Маленькие жертвы бездомных кукушек не подозревают опасности и беззаботно распевают в зарослях, взлетая на самые вершины тростников. А беда тут рядом: только отлучится от гнезда камышовка, а кукушкино яйцо уже в гнезде. С этого момента гнездо принадлежит не птенцам камышовки, а кукушонку. Одного за другим он выбросит в воду птенчиков камышовки, даже если вылупятся позднее их. Убийцу своих птенцов камышовки выкормят, он вырастет, один улетит в теплые страны и не заблудится, до сих пор удивляя этим ученых. А весной опять прилетит на это же озеро, чтобы сделать своих птенцов паразитами камышовок. Сколько гнезд найдет кукуш-

ка, столько будет погублено выводков камышовок. Хорошо, что этих птичек множество на озере.

Но чем объяснить, что здесь же, на самом берегу озера, есть гнезда трясогузок, но в них кукушка не положила ни одного своего яйца? В окрестностях же Алма-Аты кукушки подкладывают свои зеленоватые в крапинку яйца в гнезда трясогузок. А в савальском сосновом бору кукушки сносят голубые яйца в гнезда горихвосток.



РК
14210

Г. С. БИВ. ОТКА
550918

РК
13922

СОДЕРЖАНИЕ

5 СОЛОВЬИНЫЕ ОСТРОВА



7 БЕЛЫЙ СИГНАЛ



8 ЛЕБЕДИНЫЕ ОЗЕРА

10 НА РАЗЛИВЕ

14 РЕДЧАЙШИЕ КАДРЫ



18 НАПРАСНАЯ ТРЕВОГА

20 ГРОЗА ВОРОН



22 ПЕШАЯ ПТИЧКА

24 СПАСЕННЫЕ КЕКЛИКИ

26 ШАГАЮЩАЯ МЫШЬ



28 ОЗЕРНЫЕ КУКУШКИ





СОВЕТСКАЯ РОССИЯ



ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Максим Дмитриевич Зверев

СПАСЕННЫЕ КЕКЛИКИ

Редактор Н. Степанян Художественный редактор Е. Ельскава
Технический редактор Л. Беседина Корректор Н. Бучарова

Сдано в набор 29/VII-75 г. Подп. и печ. 2/III-76 г. Формат бум. 84 x 108^{1/16}. Физ. печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 3,36.
Уч.-изд. л. 2,33. Изд. инд. ЛД-12. Тираж 300.000 экз. Цена 19 коп. Бум. офсетная № 1. Заказ № 2037.

В 70802-265
М-105(03)76 195-76

Фабрика офсетной печати № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Дмитров Московской области, Московская, 3.